

УДК 81“373

М. Г. Джигоева

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ПАМЯТИ В ПРОЗЕ М. А. ВОЛОШИНА

Новизна данного исследования заключается в недостаточной изученности авторской картины мира М. А. Волошина, в особенности тех ее фрагментов, которые соотносятся с концептосферой памяти.

Цель работы: выявить и описать основные особенности отражения концепта памяти в прозе М. А. Волошина.

Материалом исследования послужила автобиографическая проза М. А. Волошина, а также критические статьи и эссе разных лет.

Теоретической основой данной статьи является следующее положение: выбор автором одного из вариантов среди других лексем его идиолекта так же информативен, как и выбор данным языком тех или иных средств для выражения понятий из данной понятийной области по сравнению с другими языками [1].

С уверенностью можно сказать, что концепт памяти является одним из центральных в художественно-эстетической системе Волошина. И если в поэтических произведениях этот концепт реализуется с помощью сложной системы метафор и концептуальных художественных образов, то в прозе, помимо этого, автор предлагает вниманию читателя обширные рассуждения о памяти, времени, вечности и других ключевых концептах его творчества, которые по сути являются развернутыми комментариями к его стихам.

Наиболее насыщены концептуальными образами памяти и рассуждениями о памяти прозаические произведения Волошина 1910-х годов, относящиеся большей частью к периоду увлечения теософией и работами Рудольфа Штайнера, а именно статьи “Откровения детских игр”, “О смысле танца”, “Россия распятая”, “Богаевский — художник Киммерии”, автобиографическая “История моей души” (1901 – 1907 гг.), а также дневники 1901 – 1903 гг.

Представляются возможными два подхода к исследованию концептосферы памяти в прозе М. А. Волошина: 1) анализ функционирования концепта “Память” параллельно с анализом близких к нему концептов, таких, как время, вечность, свиток и т. д. в контексте художественно-эстетической системы автора; 2) рассмотрение вышеобозначенных феноменов в более широком историко-культурно-художественном контексте. Первый подход является оправданным при выявлении некоторых особенностей картины мира автора данного художественного произведения (произведений) на ограниченном текстовом материале, например, в дидактических целях. Второй же подход представляется универсальным и исчерпывающим.

Чтобы проанализировать особенности отражения концепта памяти в творчестве Волошина и построить модель концепта памяти в его авторской карти-

не мира, необходимо вначале обратиться к структуре самого концепта памяти, как он представлен в русской языковой картине мира вообще.

Весьма успешная, на наш взгляд, попытка такого анализа была осуществлена Е. С. Кубряковой в статье “Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память*” [2].

В результате этого анализа выявляются следующие основные характеристики памяти:

- **локализация:** мозг, голова, сознание, душа, сердце, рассудок;
- **характеристики:** объем, емкость, база, содержание;
- **способы представления:** воспоминание, отпечаток, след;
- **сущность:** механизм, работа, орудие;
- **виды:** 1) образная, логическая, эпистемическая, вербальная и 2) эпизодическая, событийная, семантическая;
- **механизм:** ввод информации, ее хранение, припоминание, распознавание, поиск, извлечение;
- **функция:** хранилище, вместилище, склад, кладовая, библиотека;
- **содержание:** внутренний лексикон, энграмма.

Таков понятийный слой концепта память. Далее Е. С. Кубрякова отмечает, что “в русской поэзии слова в цепочке память — душа — жизнь связаны между собой так тесно, что сама память персонифицируется, выступает как нечто живое, которое может заговорить...” [2, с. 90] и приводит в пример цикл стихотворений А. Ахматовой “Голос памяти”. Нечто подобное наблюдаем и у Волошина. Более того, можно сказать, что в его творчестве память не персонифицируется, а даже, если так можно выразиться, метаперсонифицируется, так как память не является у Волошина исключительно атрибутом живых существ, и, что самое характерное, не имеет ни пространственных, ни временных рамок.

То, о чем необходимо помнить в этой связи, — это факт влияния на Волошина различных художественных течений, а также увлечение различными философско-религиозными системами, как западными, так и восточными, и более всего теософией.

Анализ эссе и автобиографической прозы М. А. Волошина показывает, что концепт памяти тесно связан с целым рядом таких же значимых для его литературного и художественного творчества концептов, как время, книга (а чаще свиток), человеческое тело, голос, след, отражение, обоняние. Более того, именно через них автор и пытается раскрыть всю полноту концепта памяти, объяснить, что есть память.

В самом общем виде рассуждения о памяти в прозе М. А. Волошина можно свести к следующим основным положениям:

- 1) память связана с голосом, именно в голосе содержится то неуловимое, что можно запомнить, но нельзя передать;
- 2) процесс воспоминания связан с обонянием. Как писал сам Волошин в автобиографической “Истории моей души” в 1905 г., “зрение человека — продолжение осязания. У животных это место занимает обоняние. В нем связь самых старых свитков мозга. Масса ассоциаций...” [3];

3) музыка связана с памятью. “Музыка есть в буквальном смысле слова память нашего тела об истории творения. Поэтому каждый музыкальный такт точно соответствует какому-то жесту, где-то в памяти нашего тела сохранившемуся” [4];

4) воспоминание — движение, поэтому у Волошина нередко встречается метафора “вспоминать шаг за шагом”;

5) наука должна стать субъективной и превратиться в воспоминание, иначе говоря, основным методом науки должно стать воспоминание. “Вся наука человечества, все его знания должны стать субъективными — превратиться в воспоминание. Человек должен суметь развернуть свиток своих мозговых извилин, в которых записано все, и прочесть всю свою историю изнутри.

Мы заключены в темницу мгновения. Из нее один выход — в прошлое... Для человечества воспоминание — все. Это единственная дверь в бесконечность...

Область воспоминаний — область тайная и интимная. Сюда нельзя вводить всякого...

Написать перечувственное, пережитое — невозможно. Можно создать только то, что живет в нас в виде намека. Тогда это будет действительность. Потенциальная возможность действительности станет активной действительностью в искусстве: действительностью ослепительной, ошеломляющей, которую всякий переживает и сколько угодно раз, — алгебраической действительностью. Пережитое — описанное — всегда слабый пересказ, но не сама действительность. В литературе всегда нужно различать пересказ действительности и созданную действительность. Художник, идущий к моим воспоминаниям, ищет в них не пережитой действительности, а себя самого в настоящем, вне времени [3];

6) воспоминание — отражение на прозрачном стекле. Как писал Волошин, отражение на прозрачном стекле намного более реалистично, чем веласкесовское зеркало, так как стекло — это “грань между призрачным и внутренним” [3];

7) воспоминание — отпечаток. Как отмечает Е. С. Кубрякова, “в обыденной речи используется и такая единица памяти, как след, отпечаток, образ...” [3, с. 88]. Такой способ метафоризации памяти является очень частотным и в поэзии, и в прозе Волошина (ср. в поэзии: “Каменья зноем дня во мраке горячи...”, в прозе: “Мед. В нем воспоминание о разных цветах” [3];

8) история — память человечества и, конечно же, тот особый феномен, который Волошин называл памятью земли. “В стертых очертаниях холмов огромная историческая усталость. Но лицо этой земли изваяно чертами глубокими и едкими, как древняя трагическая маска. Этой земле есть что вспомнить, и уста ее сжаты вековым молчанием”, — пишет он в статье “Константин Богаевский — художник Киммерии” [5].

Итак, характерными особенностями раскрытия концепта памяти у Волошина является то, что память соотносена с органами чувств, однако одновременно с “вместилищем” памяти голос, обоняние, движение являются механизмами припоминания и способами постижения прошлого, порой весьма отдаленного.

Память-свиток — наиболее частотная у Волошина метафора памяти. Память-свиток и извилина мозга — образы, которые лежат в одной концептуаль-

ной плоскости. Во многих произведениях Волошина, как поэтических, так и прозаических, завитки, изгибы, извивы связаны с памятью, запоминанием и припоминанием. Воспоминание, таким образом, превращается в развертывание свитка, мозговых извилин, “восстановление” из капли океана. Поэтому память о темном историческом прошлом в извилинах мозга и изгибах тела, память земли — в ее изгибах, морщинах и трещинах, память раковины об океане — в ее завитках. Иначе говоря, “история человечества, так несовершенно и с таким трудом нащупанная археологическими и филологическими изысканиями, с таким старанием выверенная критическим сознанием, предстанет нам в совершенно ином и несравненно более точном виде, когда мы подойдем к ней изнутри, разберем письмена той темной книги, которую мы называем своей душой, сознаем жизнь миллиардов людей, смутно рокотавшую в нас, постигнем трепет вечных сгораний и вечных возрождений мира, ставший нашим трепетом, нашей болью, нашим знанием” [6].

Прошлое и будущее противопоставляются как мечта и воспоминание. Первая, по мнению Волошина, бесплодна, вторая обладает исключительной значительностью.

Вообще же представляется, что память у Волошина имеет направление и движется, подобно времени, но в направлении обратном направлению времени.

С памятью связана целая система запретов и разрешений. Так, нельзя: осуществлять мечты; фиксировать словами прошлое; смешивать мечту и действие; проповедовать, т. к. проповедь дает созревший плод, но чужой; поднимать завесу будущего, нарушать тайну будущего; вводить всякого в область воспоминаний; истощать будущее видениями и словами. Нужно: желать всем телом, а не только умом; предугадывать чудеса, чтобы совершать их; развернуть свиток мозговых извилин и прочесть свою историю изнутри; строить комбинации в логической области ума, а не в действительности; создать то, что живет в нас в виде намека; различать пересказ действительности и созданную действительность; желать только того, что кажется невозможным.

Свиток — центральная метафора памяти у Волошина, все остальные с ней связаны и в той или иной мере ее повторяют. При этом не только память представляется автором в виде свитка, но и человеческое тело: “Плоть человека — свиток, на котором Отмечены все даты бытия...” (Путиами Каина. II. Огонь). И на пересечении координат тело человека — свиток и память — свиток и возникает человек как “вместилище” памяти обо всех предыдущих периодах существования Универсума. При этом если Х. Л. Борхес, в творчестве которого представлено весьма созвучное волошинскому понимание концепта памяти (см. в [7]), лишь подчеркивает асимметричность памяти, способной распространяться на сколь угодно отдаленное прошлое, но не на будущее, то Волошин идет дальше: “Воспоминание — это было великое завоевание, сделанное земным животным в области четвертого измерения. Может, это завоевание потом распространится и на будущее” [3]. В результате чего автор делает **вывод** о том, что “для человечества воспоминание — все. Это единственная дверь в бесконечность” [3].

Литература

1. Джигоева М. Г. Русская временная лексика как фрагмент языковой картины мира. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Симферополь, 2001.
2. Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память*. // Логический анализ языка, Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 85-91.
3. Волошин М. А. История моей души. // Эл. ресурс <http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin.htm#proza>
4. Волошин М. А. О смысле танца. // Эл. ресурс <http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin.htm#proza>
5. Волошин М. А. К. Ф. Богаевский — художник Киммерии. // Коктебельские берега. — Симферополь: Таврия, 1990. — С. 219-223.
6. Волошин М. А. Откровения детских игр. // Эл. ресурс <http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin.htm#proza>
7. Джигоева М. Г. “Память о происхождении” в лирике М. А. Волошина и Х. Л. Борхеса. // Ученые записки ТНУ. — 2004. — Т. 17 (56). — №1. — С. 208-212.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2005 г.

УДК. 81“42:811.161.1

Ли Же

КОНЦЕПТ **ТОЛЕРАНТНОСТЬ** В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

Концепт *толерантность* в настоящее время привлекает всё большее внимание не только лингвистов-концептологов, но и психологов, политологов, социологов, педагогов, философов, культурологов. **Актуальность исследования** данного концепта обусловлена современностью самой проблемы *толерантности*, которая становится важной для общества, сталкивающегося с различными явлениями политической, этнической, религиозной нетерпимости.

При этом важно отметить, что концепт *толерантность* не относится к числу центральных концептов русского сознания, однако интерес к нему объясняется как универсальностью его коммуникативно-психологического содержания, так и важностью описания семантической структуры социополитического концепта.

Новизна исследования заключается: 1) в расширении представления толерантности как одной из доминант современного политического дискурса;